-Смерть в результате несчастного случая, — установил следователь.

А тот, кто знал, что в действительности было совершено настоящее убийство, никогда об этом не рассказал бы…

Эмили, зажатая между Фредом и Синнамон, вся изъерзалась на переднем сиденье. От каждого прикосновения к собачьей шерсти у нее мурашки пробегали по всему телу, точно мороз ее пробирал, — хотя августовское солнце жарило исправно.

Фред, ее благоверный, — лысоватый, с приятными манерами мужчина, молчал и прикидывался, будто ничегошеньки не замечает.

Эмили ущемила Синнамон за хвост — весьма чувствительно. Сучка с укоризной взглянула на нее, отодвинулась и высунула морду в окно.

Фред сквозь роговые очки пристально всматривался в дорогу.

— Вот и наш мотель, — открыл он наконец рот, сворачивая на подъездную аллею. — Сейчас только четыре часа. В график укладываемся полностью.

Из номера Фред заказал по телефону пиво и два сэндвича с ветчиной и сыром на ржаном хлебе.

— Мне ничего не надо, — предупредила Эмили. — У меня с желудком неладно. Целый день в машине, может, поэтому…

— Как скажешь, — пожал плечами Фред, сохраняя беззаботный вид.

Когда еда была доставлена, он удобненько разместился в кресле у окна, выходящего во двор. С удовольствием отхлебнув пива, развернул газету и уткнулся в нее носом, отрывая глаза от строчек лишь для того, чтобы скосить оценивающий взгляд на какую-нибудь свистушку в бикини, — их целая стайка резвилась у бассейна.

Эмили уже хотела сесть рядом, уже и ноги подогнула, как вдруг на стул, опередив ее, вспрыгнула Синнамон — и в ожидании уставилась на Фреда. Тот отщипнул кусочек сэндвича и скомандовал:

— Голос!

Сучка отрывисто гавкнула. Фред скормил ей подачку.

— Лежать! — велела Эмили и ткнула пальцем в пол.

Синнамон и ухом не повела.

— Говорила же я тебе, упрашивала оставить ее на это время в питомнике! Заставь ее слезть!

Муж повернулся к ней, скорчив огорченную мину.

— Да, но Син и я... мы... мы так всегда, постоянно... когда я беру ее с собой в деловые поездки... Садимся у окна, закусываем, смотрим, как люди купаются...

Он служил торговым агентом и с понедельника по пятницу был в постоянных разъездах.

— Эту неделю ты не работаешь! У нас не деловая поездка. И это *мы* сняли хижину в горах, *мы* в отпуске, а не эта псина! Ладно уж, я в машине уступила ей *переднее сиденье, место у окна*, чтобы ее, бедняжку, не укачало... Но теперь здесь *я* хочу сесть, — *я*!

Она схватила несколько газетных листов, свернула их в трубочку и с угрожающим видом замахнулась на собаку.

— На пол, Синнамон! Лежать! — поспешно приказал Фред.

Собака неохотно соскочила со стула, присеменила к хозяину и улеглась у его ног, не сводя умоляющих глаз с аппетитного, вкусно пахнущего гамбургера.

Эмили злобно покосилась на нее. Как это возможно, чтобы животное сумело принудить *хозяйку* чувствовать себя лишней, посторонней в собственном доме! Она обратилась к своей памяти...

Все началось прошлой осенью, когда Фред вынудил ее уйти с работы.

— Двадцать пять лет в школе! — убеждал он. — Куда уж больше! Я зарабатываю прилично... За дом, за машину мы все выплатили. Поживи теперь спокойно, в удовольствие. Расслабься. Пообщайся с подругами...

Но подруги ее, тоже учительницы, не торопились уходить на пенсию, они не имели досуга, жили своими заботами. Эмили мучилась одиночеством, жизнь ее была пуста, и дом пуст... И вот тогда Фред притащил *эту гадину.* Как-то вечером, в пятницу перешагнул порог кухни, пряча что-то за спиной.

— Подарочек тебе, — сказал он с заботой в голосе и сунул ей прямо в руки теплый, рыжий, подвижный комочек.

— Ой! Какой миленький... — улыбнулась Эмили неуверенно.

— *Какая миленькая...* Это девочка. Вот тебе и компания! — воскликнул муж, довольный своей находчивостью. — Она, в случае чего, и защитить сможет в мое отсутствие, пока я буду в отъезде. Когда подрастет.

Тогда, конечно, Эмили и в голову не могло прийти, что эта тварь разрушит ее семейный очаг — да и всю, в общем-то, жизнь...

Щеночек смотрел на нее неотрывно, серые глазки сияли каким-то особенным светом... Невероятно! Эмили могла бы поклясться, что он улыбался. «Нет, — еще в тот момент мелькнула у нее мысль, — двум женщинам в одном доме не ужиться...» И от этого предчувствия ощутимо заныло сердце. Она опустила собачьего детеныша на желтый линолеум, и тот, поскальзываясь и пошатываясь на неверных ножках, принялся обследовать помещение.

— Он кто? — поинтересовалась Эмили, глядя на торчащие ушки с об-

висшими кончиками и пушистый хвостик, закручивающийся в идеальную окружность. — Какой породы?

— *Она!* Это… гибрид, помесь, — торопливо начал объяснять Фред, как бы оправдываясь. — Частично фокстерьер, немножко веймаранер и чуть-чуть хаски, если судить по хвосту. — Он потрогал короткую, гладкую шерстку. — А зовут ее Синнамон.

Малявка с обожанием подняла к нему глаза.

— Дворняга — так и говори. Большая она вырастет?

— Ну… фута полтора … Может, два…

Он почесал Синнамон за ушками. Она благодарно ткнулась мордочкой в его ладонь.

— Что ж, — дернула плечом Эмили, — тебе и придется ее воспитывать, приучать к порядку. Я за ней с тряпкой таскаться не буду, у меня и так хлопот полон рот…

И собакой занимался Фред. Он учил ее служить, подавать голос, приносить тапочки, перекатываться с живота на спину… Он купал ее, расчесывал, подолгу с ней гулял. Однажды Эмили заметила вслух:

— Тебе не кажется, что этой сучонке ты уделяешь гораздо больше времени, чем мне?

Досадно было то, что он даже не попытался возразить. Эмили не рассказывала мужу, что после того, как он уезжал по своим делам, Синнамон с неприкаянным видом слонялась по участку и поджимала хвост даже тогда, когда хозяйка милостиво пускала ее в дом. К настоящей жизни она возвращалась, только заслышав звук мотора подъезжающего хозяйского автомобиля.

Мало-помалу ее печальные глаза, — глядящие к тому же с немой укоризной, — стали вгонять Эмили в депрессию. Ей тошно было прицеплять к ошейнику поводок, она быстро уставала от прогулок, если рядом семенила эта… эта…

Как-то она обнаружила Синнамон под своей кроватью: та грызла и трепала какой-то предмет, — с огромным трудом Эмили наконец узнала в нем свою шелковую комнатную туфлю.

— Ах ты, мерзавка! — взвизгнула она злобно и шлепнула нашкодившую сучку. — Ну, ты у меня отсюда живо уберешься!..

Эмили и так и эдак пыталась придумать, как бы ей избавиться от опостылевшей компаньонки. И вот она нашла, как ей тогда казалось, идеальное решение проблемы.

— Фред, а почему бы тебе не брать ее с собой в поездки? Вдвоем веселей вам будет…

Сперва он упирался, отнекивался, но, в конце-концов, жена все-таки смогла убедить его, что уж как-нибудь да переживет эту жертву, перетерпит… С тех пор каждый понедельник Фред уезжал утром из дома, и Синнамон сидела с ним рядом, спокойная и надменная, улыбающаяся — точно госпожа.

«Как получилось, что она поехала с нами? — недоумевала теперь Эмили. — *Ведь я наотрез отказалась брать ее с собой!»*

— Пора обедать! — объявил Фред, прерывая ее задумчивость.

Он покормил Синнамон, и затем супруги отправились в ресторанчик, что был при мотеле. Когда они поднялись из-за стола, уже почти стемнело. В бассейне включили подсветку, и прозрачная, голубоватая вода колыхалась и искрилась от неустанного движения купальщиков и купальщиц, которые плавали туда-сюда, похожие на сияющих рыбин.

— Давай побудем здесь немного, — предложила Эмили. Она в несколько шагов пересекла зеленый газон и села на раскладной стул у бетонного бортика.

— Мне бы надо выгулять Синнамон…

— Я тебя подожду.

Уж к бассейну-то он с собакой, наверное, не припрется…

Вернулся он скоро, и бок о бок с ним весело, вприпрыжку бежала Синнамон.

— Сюда нельзя с собаками! — вспыхнула в негодовании Эмили.

— Чепуха… Она умеет себя вести. Сидеть, Синнамон, сидеть!

Собака села у его ног, навострила уши и задрала нос, высокомерно, как египетский Сфинкс, обозревая подвластный ей мир. Фред нежно ее погладил. Какой-то мальчишка совсем рядом хлопнулся в воду животом, окатив их целым веером брызг, — Фред, засуетившись, принялся смахивать капельки со спины своей любимицы и расправлять ей шерстку.

«Не может удержаться, чтобы не полапать ее, — покосилась Эмили недобро. — *Расточать ласки собаке, — да как же такое возможно! Прямо отвращение берет! Мне бы хоть половину этого внимания… Может, если бы у нас были дети… если бы Фред не проводил все время в разъездах…»*

Синнамон вскочила и затрусила к бассейну. Видно, вода манила ее.

— Стоять! — вскинулся Фред.

Собака остановилась и перевела умоляющий взгляд на хозяина.

— Нельзя! Стоять! Отойди оттуда!

Синнамон отошла в сторону и замерла на месте. «Всегда послушна. Всегда благовоспитанна…» — с горечью отметила Эмили. И ничего удивительного. Фред каждую свободную минуту с ней возился.

Эмили все чаще и чаще казалось, что Фред предпочитает проводить время с собакой, а не с нею. Что же, и там, в горах, в хижине будет продолжаться то же самое? Фред и Синнамон без нее будут гулять по тропинкам, выискивать живописные уголки? Вместе? Одни?

Синнамон и Фред нежничали. Он почесывал ей пузцо, а она, лежа на спине и задрав ноги, томно перекатывалась с боку на бок, даже глаза прикрыла в экстазе… На морде написано чистое блаженство, черные губы растянулись в улыбке, розовый, влажный язык вывалился аж на подбородок…

Смущенная Эмили заметила, что они привлекают к себе внимание, и почувствовала даже некоторую растерянность. Вдруг девочка в черном с оборочками купальнике воскликнула:

— Вот это да! Собака смеется! Смотрите! Она взаправду смеется!

«Вот! — подумала торжествующе Эмили. — Все точно!» Ей это не привиделось, воображение здесь ни при чем. Эта гнусная тварь смеялась — над ней, над хозяйкой!

Глядя на веселящихся купальщиков, она ужасно жалела, что не умеет плавать, — как-то всегда получалось, что вода была слишком холодна для того, чтобы этому выучиться… «Любопытно, а эта дрянь может держаться на воде? — вскользь подумалось ей. — Наверное, может…» Где-то она читала или слышала, что если собаку бросить в воду, она поплывет, — инстинкт заставит. Но сколько времени она сможет продержаться? А если ее немного притопить…

Когда бассейн опустел и огни погасли, они отправились в свой номер,

выстроившись гуськом: впереди гордой походкой рассекала Синнамон, за ней — будто почетный эскорт — Фред, а позади всех плелась Эмили.

Изо всех сил старалась она преодолеть ревность, гнев и боль, которые где-то внутри сплелись в тугой узел ненависти, — и не могла. Обратить всю свою любовь — на собаку! Это подло! Она этого больше не потерпит.

Бесполезно было просить его избавиться от Синнамон. Он не согласится. Придется объявить ему ультиматум. Фред должен сделать выбор: или она, или эта мерзавка... Но он никогда этого ей не простит... и, конечно, остается ужасная вероятность... это кажется немыслимым, однако... он может выбрать собаку. Впрочем, существует еще один способ...

Эмили подождала, пока Фред, включив телевизор, не улегся в постель.

— По-моему, собаку нужно еще разок прогулять, — сказала она.

— Не нужно, — буркнул муж, глазея на экран.

— Она ведет себя ужасно неспокойно...

— Ничего подобного.

— Тебе не придется вставать, — упорствовала Эмили. — Я наброшу халат и...

— Нет! — сурово оборвал ее Фред. — Все, проехали!

Эмили долго не могла заснуть, мучимая сознанием того, что опять она потерпела поражение, и планы ее расстроились, а надежды не оправдались. Придется отложить *это* на завтра.

За долгие годы Эмили выработала в себе умение просыпаться в намеченное время, — срабатывал какой-то внутренний будильник. Она проснулась в пять, как раз перед рассветом. Украдкой вывела Синнамон и погнала ее по мокрой от росы траве — к бассейну. Увы, было вовсе не так темно, как она рассчитывала.

Сердце ее колотилось от страха: а вдруг кто-нибудь увидит? Придется рисковать. Если вдруг ее станут допрашивать, она соврет, что собака упала в воду, а она пыталась спасти несчастное животное. Она перешагнула бортик. Синнамон села поодаль.

— Ко мне! Ко мне! — строго приказала Эмили.

Собака не двигалась с места. Эмили дернула поводок. Конечно же, эта сволочь помнила, что ей запретили приближаться к воде. Разозлившись, Эмили принялась подтягивать Синамон к себе. Та упиралась, скребя когтями по цементу...

— Э-ми-ли-и! — послышался раздраженный крик. Это Фред вышел на балкон... — Не вздумай тащить ее к бассейну! Она знает, ей туда ходить не положено!

Какое серое утро...

Стиснув зубы, Эмили нацепила на лицо ледяную улыбку, помахала мужу рукой и направилась к автостоянке. Синнамон дисциплинированно семенила за ней.

Фреду она скажет, что собака ее разбудила, попросилась наружу... Взбешенная, Эмили дала себе клятву, что уж в следующий раз у нее не сорвется!

В тот же день, ближе к вечеру, они долго ползли по занесенной песком дороге, петляющей в густом лесу. Прохладный воздух был пропитан ароматом хвои, солнце пробивалось сквозь кроны высоких дубов, стволы

которых, казалось, были чуть тронуты ржавчиной... Путь их закончился у воздвигнутой на вершине холма хижины, сложенной из неотесанных каменных глыб.

— Смотри-ка, Эм, горы кругом, а озеро все же видно прямо отсюда, с крыльца!

С потаенной улыбкой взглянула Эмили на сверкающую под солнцем гладь озера.

— А листья уже начинают желтеть, краснеть...

— Там и лодка есть, — входит в число услуг. Значит, и рыбку половим!

— Угу... — согласилась погруженная в свои мысли Эмили. — Однако время готовить ужин...

Фред выскреб из своей миски последнюю ложку брусники и допил чай со льдом.

— Ну, ладно, пока ты тут будешь посуду мыть да прибираться, Син и я отправимся на разведку. Пошли, Син? Пошли!

Собака обрадовалась, запрыгала, вертя хвостом, как пропеллером. Эмили сжала губы в ниточку. Она была преисполнена решимости.

Через час, когда Эмили уже кипела от ярости, гуляки с топотом, веселые, довольные взбежали на крыльцо.

— Угадай, что мы отыскали, Эм! Та тропинка, что позади хижины, сперва вьется по кустам, а потом выводит на лесную дорогу. Сразу и не разберешь, что это дорога, так там все заросло травой. А от нее отходит колея... Ну, мы немного прошли вдоль колеи — и увидели... Представляешь, старинный фермерский дом, каменный, снаружи весь как бы закопченный, и внутри будто пожаром все выжжено. Мы зашли, побродили там... Темень тьмущая! Я чуть в погреб не провалился, там дыра прямо в полу, а внизу ступени...

Эмили прислушалась, глаза ее засветились.

— А вокруг такие дебри! Все увито виноградом, дикие розы, еще какая-то растительность... И знаешь, что нашла Синнамон?

Эмили покачала головой.

— Синнамон нашла колодец! Ну... когда-то раньше это был колодец. Широченная яма, а глубина — до Китая можно долететь. Я бы туда и загремел, если бы не она. Почуяла опасность и не подпустила меня... Такая умница! Знаешь, что она придумала? Села прямо на краю! И с места ее не сдвинешь! Ты бы поверила, что собака может быть *настолько умна*?

— Нет, — сдерживая гнев, призналась Эмили.

Фред любовно похлопал Синнамон по голове.

— Тебе надо будет посмотреть, Эм. Лет двести, наверное, дому...

— Да, мне хотелось бы увидеть.

«Я умнее любой собаки, — подумала она. — *Я с этим не смирюсь!»*

На следующий день после ленча Фред прилег вздремнуть. Эмили, как только он захрапел, пристегнула поводок и спокойно вывела Синнамон через заднюю дверь. По тропинке она быстро вышла на лесную дорогу и после двух неудачных попыток отыскала колею, проложенную к брошенному дому. Поднялась по гнущимся ступеням, прошла через крыльцо, отворила дверь и осторожно заглянула внутрь. Пол кое-где сохранился, и некоторые доски выглядели крепкими, но другие насквозь прогнили, а

местами зияли проломы. Впереди чернел квадрат — это, видимо, и был тот лаз в погреб, про который упоминал Фред...

Легко ступая, она направилась прямо туда. Когда Синнамон начала поскуливать, Эмили остановилась, взяла собаку на руки и отстегнула поводок. Похолодев, она остановилась на краю проема, дрожа и стараясь не пускать глубоко в грудь тлетворный воздух, настоянный на запахе пожарища и могильных испарений, струящихся из подвала. Синнамон, пытаясь вырваться, начала извиваться и заскулила еще громче.

Внезапно Эмили как удар грома поразила мысль: подвал недостаточно глубок! Собака уцелеет... Начнет лаять, визжать... А уж если она завоет... вой, усиленный эхом пустого подвала, будет слышен на несколько миль в округе.

Эмили вынесла Синнамон из дома, прицепила поводок и опустила собаку на землю. Та потянула ее за собой прямо по траве вокруг зловещего каменного остова. Эмили продвигалась вперед боязливо, внимательно наблюдая за Синнамон, — не отпрянет ли она, почуяв опасность. *Ведь Фред велел ей не приближаться к колодцу, как и раньше — к бассейну.* Эмили еще раз обогнула руины, на этот раз, увеличив радиус. Высокая и жесткая сорная трава неприятно щекотала и покалывала ее незащищенные чулками лодыжки. Синнамон, принюхиваясь, упорно тянула ее за собой.

Вдруг под ноги Эмили попалась широкая доска, и она, едва не наступив на нее, резко отшатнулась назад. Досок здесь было несколько. «Это половые, из дома...» — догадалась она. Похоже, кто-то вынес их и уложил зачем-то рядышком, одну к одной... Синнамон, однако, не собиралась менять направления. Принюхиваясь к доступным только ее звериному обонянию таинственным запахам, она неожиданно рванулась, — и тонкий поводок выскользнул из слабых женских пальцев.

— Да чтоб тебе провалиться! — выругалась Эмили. Ее всю трясло. — Будь ты проклята!

Фреду можно было бы наплести, что Синнамон, дескать, улизнула из хижины и куда-то запропастилась. Но, не обнаружив на месте поводка, он сразу поймет, что жена пытается его обмануть. Сказать ему, что она вывела собаку, а та вырвалась и убежала неизвестно куда? Но если эта негодяйка запутается в каких-нибудь кустах и чего доброго удавится, ей никогда не удастся вымолить у мужа прощение...

Опять она проиграла! Необходимо отцепить поводок, любой ценой нужно это сделать, иначе он догадается, кто виноват в гибели собаки. Кровь стучит в висках. Ладони вспотели, стали мокрыми, скользкими.

Собака стояла теперь посреди настила. Казалось, она улыбается и манит хозяйку за собой. Эмили ринулась к ней, целясь ухватиться за ошейник, — и промахнулась. Синнамон легко перескочила через доски. В отчаянии Эмили сделала попытку наступить вытянутой ногой на кончик поводка, слегка притопнула — и снова мимо, снова неудача! И доски, гнилые доски, сопревшие, крошащиеся доски не выдержали ее малой тяжести и... и она провалилась, рухнула вниз... полетела вниз... вниз... в сырую непроглядную тьму!

Она бы крикнула... но горло перехватило... и уцепиться было не за что... Падение длилось целую вечность, так ей показалось, но страшно не было ничуть, ничуть... пока она не оказалась глубоко-глубоко под водой, под ледяной водой...

Теряя оставшийся еще рассудок и последние силы, Эмили отчаянно забила ногами, и один раз ей удалось вынырнуть. Последнее, что она увидела, был голубенький лоскуток неба высоко вверху и смеющаяся морда Синнамон.

Перевод с английского
Николая СПИЦЫНА